

ЧАСТЬ III. УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ИСТОРИИ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ

М. Б. Свердлов

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербург, РФ

ИМПЕРСКИЕ АМБИЦИИ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОСУДАРСТВ: РУСЬ И ПОЛЬША В X–XI ВВ.

В европейское раннее средневековье существовала устойчивая тенденция к территориальному расширению формирующихся государств, к подчинению ими соседних стран и племен, включая иноэтничные, к установлению над ними верховной власти, сюзеренитета, при сохранении в этих странах и племенах автономного самоуправления. Эта тенденция наиболее полно осуществилась в формировании Священной Римской империи Карла Великого, Священной Римской империи, начиная с Оттона I из Саксонской династии (962 г.). В славянском мире эта тенденция выразилась в образовании Первого Болгарского царства. В данном процессе иницирующую военно-политическую роль играл тюркский этнос. В начальной истории Польши и Руси также проявились имперские тенденции. При этом следует иметь в виду, что Русь уже в древнейший период являлась многоэтничным государством, в котором определяющее общественно-политическое и экономическое значение имели восточные славяне.

В Польше и на Руси в X — первой четверти XI в. существовали основные государственные институты¹. Во главе этих раннесредневековых государств на-

¹ Здесь и далее обобщены выводы трех монографий: Свердлов М.Б. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л., 1983. 238 с.; его же. Становление феодализма в славянских странах. СПб., 1997. 321 с.; его же. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. 735 с.; см. там же значительную литературу проблемы, привести которую в данной работе нет возможности.

ходились правящие династии, соответственно, Пястов и Рюриковичей, которые являлись институтом высшей публичной власти. В Польше — это время правления князей Мешко I и Болеслава Храброго, на Руси — княгини Ольги, князей Святослава Игоревича, Ярополка и Владимира Святославичей, Святополка Ярополковича, начало киевского княжения Ярослава Владимировича Мудрого.

Этим князьям служило иерархически организованное правящее сословие и состоящий из его представителей государственный аппарат. В Польше — люди знатные, *suffraganes* — «помощники», *duces* — «воеводы», возможно, «княжата», потомки племенных князей, *комесы*, которые находились во главе комитатско-провинциальных структур в составе *principes* — чиновников и *nobiles* — знатных по происхождению людей, обладающих почестями и социальными преимуществами, или, вероятно, рядовых рыцарей (здесь и далее обобщены наблюдения автора данной статьи, а также других исследователей). Ближайшее окружение Болеслава Храброго состояло из людей богатых и знатных — «магнатов» и более низких по положению «воинов» — *milites*. Такие низкие по положению княжеские служилые люди в польской латиноязычной лексике назывались феодальным термином, который относился к понятиям, характеризующим отношения князя (короля) и его дружины, — *fideles*, верные, «вассалы».

На Руси княжеские служилые люди назывались обобщающим славянским словом «дружина». Она также имела иерархическую структуру и состояла из «старшей дружины», «княжих мужей», и «младшей дружины», «отроков», со второй половины XI в. также «детских». Из числа «княжих мужей», а также родственников князь назначал на высшие военные и гражданские должности воевод, тысяцких, посадников. Отроки являлись княжескими воинами, исполняли княжеские административно-судебные поручения, престижно обслуживали князя и княжеский двор. Детские осуществляли только первые два этих вида функций.

Государственным институтом являлось войско. По подсчетам А. Надольского, войско первых Пястов насчитывало до 15 тысяч человек, из которых 3–5 тысяч составляли отряды князя и крупной знати. Это войско было регулярным, прекрасно вооруженным, что позволяло Болеславу Храброму успешно вести войны с грозными противниками, включая армии императора Священной Римской империи Генриха II¹. Численность войска Рюриковичей не удастся научно обоснованно подчитать, но оно, состоявшее из княжеской дружины и ополчений, организованных по тысячам, а также наемников, скандинавов и печене-

¹ Nadolski A. Polskie siły zbrojne i sztuka w początkach państwa polskiego // *Początki państwa polskiego*. Poznań. 1962. T. I. S. 187–209.

гов, позволяло осуществлять князьям все виды военных действий в ближних и дальних кампаниях.

На Руси и в Польше существовало понятие «государственная территория». Было также понятие «границы Польши» (*fines Poloniae*). Устойчивым латиноязычным названием и самоназванием Польши являлось *Polonia*. На Руси государственную территорию обозначали словами «Русская земля» в широком понимании всех ее территорий. Еще в середине X в. византийский император Константин VII Багрянородный называл ее обобщающим хоронимом Ῥωσία, в латиноязычной лексике европейских стран ее названием являлись с начала XI в. *Ruscia*, *Ruzzia* и близкие к ним по форме хоронимы. В лесостепной зоне укрепленные границы по притокам Днепра были защищены обновленными так называемыми «змиевыми валами», построенными еще в скифское время, и городами-крепостями. Во второй половине X — первой четверти XI в. племенное деление в обеих странах было заменено территориальным, в Польше в соответствии с комитатско-провинциальной системой, на Руси — по городам с волостями и погостам.

На Руси уже в X в. существовала податная система от дыма-дома — хозяйства малой семьи. Эта подать — «дани» являлась фиксируемой, по белке или куннице (товаро-деньги, меховые денежные единицы), и погодной, регулярно взимаемой. То есть, она представляла собой обычный европейский, включая Византию, налог «подымное». Вероятно, в XI в. она была дополнена взиманием подати от единицы пахотной земли — плуга (сохи). В Польше со второй половины XI в. отмечаются такие же государственные подати: «подворовое» или «подымное» с дома и дворового хозяйства, «поральное» или «поволовое» — подать от рала (плуга), единицы пахотной площади. Можно предположить, что эти виды древних налогов существовали уже в X в. Со второй половины XI в. они были дополнены другими видами податей от сельской общины и крестьянского хозяйства.

Наконец, государственным институтом на Руси и в Польше являлась система юридических норм, которой руководствовались князья и княжеский суд во внутрис государственной юридической практике и при заключении международных договоров. На Руси это была «Правда Русская», нормы которой учитывались уже при заключении русско-византийских договоров 911 и 944 гг. Она существовала первоначально в устной форме и в XI — первой трети XII на ее основе были созданы два писаных судебника — Краткая Правда Русская и Пространная Правда Русская. В Польше такой источник права для данного периода неизвестен. Но Хроника Галла Анонима (написана, вероятно, в период от 1009

до 1117 г.) сообщает, что Болеслав Храбрый осуществлял верховный суд в равной мере над бедняком и вельможей. В хронике Козьмы Пражского сообщалось, что чешский князь Бржетислав переселил в Чехию плененных в 1039 г. поляков и, как написано в хронике, «предписал, чтобы как они, так и их потомки вечно пользовались теми законами, которые они имели в Польше». Отсюда следует, что в Польше первой трети XI в. существовали кодифицированные нормы права и они отличались от чешских.

Религиозно-идеологическим обобщением процесса формирования государства на Руси и в Польше стало введение христианства в качестве государственной религии. На Руси это событие произошло в 988–989 гг. с включением Русской митрополии в состав Константинопольской патриархии. В Польше в 1000 г. Болеслав Храбрый основал в Гнезно автокефальное архиепископство с епископскими кафедрами в Познани, Колобжеге, Вроцлаве и Кракове.

Раннесредневековым символом интеграции в европейской системе межгосударственных отношений являлись династические союзы, которые были тогда верхушкой айсберга отношений политических. Показателен в данной связи династический брак в середине X в. Мешко I и Дубровки, дочери чешского князя Болеслава I, который продолжал владеть тогда ранее им завоеванной Малой Польшей. О месте Мешко в системе Священной Римской империи свидетельствует его статус «друга императора».

Аналогично поступил Владимир Святославич. Он женился в 988 или 989 г. на багрянородной принцессе Анне и стал шурином византийских императоров-соправителей Василия II и Константина VIII. На своих златниках и сребрениках князь изображен сидящим на престоле со всеми императорскими инсигниями, в венце с крестом в центре и подвесками, со скипетром, в парадном одеянии (или в «кольчуге» с плащом), вероятно, в красных сапогах, которые показаны на сребрениках первого типа подчеркнуто выразительно. На изображениях Владимира отсутствовала только держава — символ императорской власти, главы христианского мира. Вероятно, эти инсигнии были получены Владимиром в качестве свадебного дара вместе с Анной, которая приплыла к своему жениху в Херсонес, который на Руси называли Корсунь.

Это изображение Владимира на монетах указывает на значительные политические и идеологические амбиции русского князя. О том же свидетельствуют и другие изображения на монетах Владимира. На аверсе златников и сребреников первого типа находятся также геральдический знак Владимира, трезубец и надписи «Владмир, а се его злато» на златниках и «Владмир на столе», то есть на престоле, на сребрениках, или «Владмир, а се его сребро». Они утвержда-

ли факты суверенного правления князя и осуществление им чекана монет как «королевской регалии». На реверсе златников и сребреников первого типа — изображение Христа Пантократора, как на византийских монетах того времени. Вероятно, оно свидетельствовало о включении Руси в единое с Византией церковное пространство.

Но на более поздних сребрениках второго типа отмечаются существенные изменения. Вокруг головы Владимира появился нимб — символ святости княжеской власти. На реверсе исчезло изображение Христа Пантократора, но появился княжеский трезубец, вероятно, как утверждение суверенитета княжеской власти Владимира по отношению к Византийской империи, а также верховенства светской власти над церковной. Текст на монетах сообщал: «Владимир на столе, а се его сребро», то есть он утверждал суверенное правление князя и осуществление им чекана монет как королевской регалии, но в то же время — разрыв политических и идеологических связей с Византийской империей. Видимо, последний факт отразился в словах немецкого хрониста и епископа Титмара Мерзебургского, современника событий (ум. 1018 г.), который написал, что Владимир «чинил большое насилие над слабыми данаями» (Thietmar. VII, 72).

На сребрениках третьего типа сохранились изображения монет второго типа, но исчез нимб вокруг головы князя и появилась подчеркнуто ясно чеканенная высокая спинка престола. Впрочем, на сребрениках четвертого типа вновь появился нимб над головой князя, тогда как престол показан в виде короткой скамьи с низкой спинкой, на ней — длинная подушка, как на изображениях Иисуса Христа или византийских императоров, восседавших на троне. Надпись на абсолютном большинстве этих монет традиционна: «Владимир на столе, а се его сребро». По мнению М.П. Сотниковой, монеты второго — четвертого типов чеканились одновременно и по одной изобразительной схеме, но являлись изделиями трех киевских мастеров. Исходя из географии находок златников и сребреников Владимира первого типа, а также сребреников второго — четвертого типов, изображений на них, техники чекана, весовой нормы, состава кладов, в которых они найдены, М.П. Сотникова пришла к убедительному выводу, в соответствии с которым, первые из них относились ко времени крещения Руси и женитьбы Владимира на принцессе Анне, тогда как вторые — к последнему периоду его правления¹. К тому же, в утверждение составляющей имперской идеи первенства светской власти над церковной Владимир, оста-

¹ Сотникова М.П. Древнейшие русские монеты X–XI веков: Каталог и исследование. М., 1995. С. 191–192.

ваясь членом восточнохристианской Церкви, активно учитывал западнохристианский опыт. Он использовал католическую десятину для материального обеспечения митрополии *Ῥωβία*, как она называлась в византийском перечне митрополий Константинопольского патриархата¹. После смерти Анны в 1011 г. Владимир, вероятно, женился на дочери графа Куно Онингена, внучке императора Оттона Великого². Да и погребен он был в центре Десятинной церкви, как поступали по западнохристианскому обычаю, тогда как в восточнохристианской Церкви в храме не хоронили.

Экономический и военно-политический подъем обоих государств имел следствием столкновение их интересов в Галиции и на Вольни, завоевание Владимиром в конце X в. этих территорий на важнейшем торговом пути (на Краков, Прагу, в немецкие города) и находившихся там городов, имевших большое стратегическое значение, Перемышля, Червеня и других, которые к этому времени были заняты поляками. Показательно, что на Вольни был построен город, названный именем правящего русского князя — Владимир. Таким образом, Владимир маркировал своим именем новое владение своего государства, как и городом Василев — его южные пределы.

Формирование в XI в. огромных территориально и состоявших из разных народов русского и польского государств был очевиден авторам первых значительных летописных произведений начала XII в. в обеих странах. После того как автор «Повести временных лет» перечислил восточнославянские племена, которые вошли в состав Руси, он указал также народы, подчиненные Руси данническими отношениями: «А вот другие народы, дающие дань Руси: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, зимигола, корсь, нарова, ливы, — эти говорят на своих языках <...>» (перевод Д.С. Лихачева). То есть, перечислены все крупные народы, которые жили на северо-западе и северо-востоке Восточной Европы.

В Слове о Законе и Благодати, написанном между 1037 и 1050 гг., то есть всего через 22 года — 35 лет после смерти Владимира Святославича, будущий митрополит Иларион описал в жанре торжественного красноречия этот процесс территориального роста Руси и особого значения в ней монархической власти

¹ Шапов Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 25–26.

² В отличие от автора этой гипотезы Н.А. Баумгартена, А.В. Назаренко отнес этот брак к Ярополку Святославичу, что также нуждается в дополнительных разысканиях, см.: Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 361–363; см. там же литературу вопроса.

в имперских категориях: «И самодержцем (в древнерусском тексте — единоподержец) стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечем» (перевод А. Юрченко).

Тот же процесс отметил и Галл Аноним в Польше во времена Болеслава Храброго, впрочем, также не без преувеличений: «Разве не он подчинил Моравию и Чехию, занял в Праге княжеский престол и отдал его своим наместникам. Кто как не он, часто побеждал в сражении венгров и всю страну их вплоть до Дуная захватил под свою власть? Неукротимых же саксов он подчинил с такой доблестью, что определил границы Польши железными столбами по реке Сале в центре их страны. Нужно ли перечислять победы и триумфы над языческими народами, которых, как известно, он как бы попирает ногами?» (перевод Л.М. Поповой). Действительно, кроме присоединения Малой Польши Болеслав Храбрый временно подчинил своей власти лужичан (1002–1031 гг.), Чехию (1003–1004 гг.), Моравию и Словакию (1004–1017/1018 гг.), Червеньские города (1018–1031 гг.).

Показательно, что для установления сюзеренитета над другими народами и государствами Болеслав Храбрый осуществлял не только военные действия. В Чехии он использовал родство с чешским правящим домом. Так же он поступил на Руси. Как следует из достоверных сведений Титмара Мерзебургского, сначала Болеслав, вероятно, зимой 1013/1014 гг. попытался военными действиями завоевать Галицию и Волынь. Потерпев неудачу, он заключил мир с Владимиром, и в соответствии с раннесредневековой традицией оба князя скрепили его династическим союзом дочери Болеслава (ее имя неизвестно) и усыновленного племянника Владимира Святополка Ярополковича, князя туровского.

Болеслав использовал стремление Святополка восстановить свое право на киевский стол, который был захвачен Владимиром после убийства своего брата и его отца Ярополка Святославича. Владимир нарушил при этом как волю отца, который посадил Ярополка в Киеве, а Владимира в Новгороде, так и порядок наследования в Киеве по старшинству. Как следует из сообщений Титмара Мерзебургского, вероятно, при поддержке Болеслава Святополк, его жена и ее духовник епископ Рейнберн организовали заговор. О нем стало известно Владимиру Святославичу, по приказу которого заговорщики были арестованы и заключены в одиночные заключения, где Рейнберн умер (Thietmar. VII, 72).

После смерти Владимира 15 июля 1015 г. Святополк вокняжился в Киеве, но был изгнан зимой 1016 г. своим племянником новгородским князем Ярославом Владимировичем, так что Святополк должен был бежать к своему могущественному тестю в Польшу. Болеслав смог помочь своему неудачливому зятю

только в 1018 г., когда заключил Будишинский мир с императором Священной Римской империи Генрихом II. В августе этого года Болеслав со своим великолепно подготовленным войском, с отрядами немецких и венгерских воинов и наемной конницей печенегов совершил марш-бросок на Киев, разбив по пути на Западном Буге разрозненное по составу войско Ярослава, который пытался остановить это вторжение.

После поражения на Буге Ярослав должен был бежать в Новгород, тогда как киевский митрополит и киевляне торжественно встретили Болеслава и прибывшего с ним Святополка. Однако, польский князь вместо того, чтобы вернуть власть на Руси зятю, стал осуществлять действия, которые свидетельствовали о его намерении установить сюзеренитет над Русским государством, то есть осуществить то, что не удалось в Чехии. Он захватил огромную княжескую казну, часть которой потратил на вознаграждение своего войска и наемных отрядов, а остальное отправил в Польшу. Польское войско он отправил на «покорм» в близкие к Киеву города. Из захваченного серебра он чеканил монеты с кириллической надписью «Болеславъ», реализовав право «королевской регалии». Имя князя на монетах указывало сюзерена и реального правителя страны. Наконец, он сделал наложницей сестру Ярослава Предславу, унизив тем самым династию Рюриковичей¹.

Все эти действия свидетельствовали о том, что Болеслав Храбрый стремился осуществить свои имперские амбиции также по отношению к Руси. Возможно, их особо жестокий характер должен был уничтожить на Руси попытки возродить имперские амбиции, которым ранее успешно следовал Владимир Святославич. Впрочем, действия Болеслава в Киеве, как и в Чехии, встретили активное сопротивление населения. Святополк Ярополкович оказался без реальной власти. Поэтому автор Повести временных лет или ранее его источник, Начальный свод (1093–1095 гг.), приписали Святополку призыв к восстанию и избиению польских воинов. Так что Болеслав должен был быстро выйти из Киева со своим войском, но при этом он захватил «богатства», пленных, сестер Ярослава, его мачеху, т. е. вдову Владимира Святославича. Осуществление имперской идеи Болеслава по отношению к Руси не удалось. Но на обратном пути он захватил Червеньские города.

Принадлежа к системе Священной Римской империи, Болеслав Храбрый не мог назвать себя императором, но титул короля в год своей смерти, в 1025 г., он получил.

¹ Swierdłow M.B. Jeszcze o “ruskich” denarach Bolesława Chrobrego // Wiadomości numizmatyczne. 1969. R. 13, zes. 3 (49). Warszawa. S. 175–180.

Ярослав Владимирович, прозванный Мудрым, изгнал Святополка из Киева зимой 1018/1019 г. После смерти в 1036 г. своего брата Мстислава Владимировича, который отвоевал у него в 1024–1026 гг. восточную половину государства, Ярослав восстановил политическое единство страны. Последующие его действия определялись имперской идеей преемственности–вызова по отношению к Византийской империи. Они имели кроме реального содержания символизированный характер: строительство в Киеве храма святой Софии, значительных городских укреплений с Золотыми воротами, как в Константинополе. Подобно отцу, он маркировал пределы своего государства городами, названными своими восточнославянским и крестильным именами — Ярославль, Юрьев. Храмы святой Софии, построенные на основных торговых путях того времени по Днепру в Киеве, на Волхове в Новгороде и после смерти Ярослава на Западной Двине в Полоцке свидетельствовали об особом значении в то время культа святой Софии, освящавшей все пространство «Русской земли». По указанию Ярослава собор русских епископов избрал митрополитом Илариона, пресвитера церкви в княжеском селе Берестовом и, вероятно, княжеского духовника.

Все эти и другие действия Ярослава свидетельствовали о продолжении им имперской политики отца, что в полной мере обоснованно отметил современник событий Иларион, который обращался в Слове о Законе и Благодати к существу на небесах Владимиру Святославичу: «Доброе же весьма и верное свидетельство [тому] — и сын твой Георгий, которого соделал Господь преемником власти твоей по тебе, не нарушающим уставов твоих, но утверждающим, не сокращающим учреждений твоего благоверия, но более прилагающим, не разрушающим, но созидающим. Недоконченное тобою он докончил, как Соломон — [предпринятое] Давидом».

В соответствии с законами исторического развития со второй половины XI в. в Польше и на Руси наметились все более возрастающие в дальнейшем процессы политической раздробленности этих стран при сохранении единства их культурного и церковного пространства. Эти процессы имели следствием исчезновение из общественно-политической и идеологической практики польских и русских князей имперских амбиций. Но в результате русско-польские отношения свелись к осуществлению локальных княжеских интересов — как при заключении политических и династических союзов, так и в военных действиях, свойственных средневековью.